

К11376276

Борис Чулков

СОНЕТЫ

в осенних тонах

Борис Чулков

СОНЕТЫ
в осенних тонах

к 51376276

Вологда
2006

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

PC

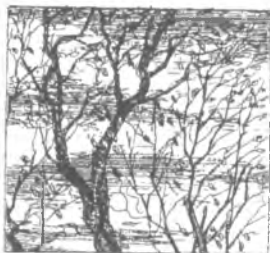
+ KPA + KPA LI

4-89

© Б. А. Чулков, 2006

I

I

ОСЕННИЙ СОНЕТ *

Она пришла неслышными шагами,
Поруша ясность летней красоты, —
И вот шуршат под нашими ногами
Опавшие, поблекшие листья.

Туманом даль закрыта и дождями,
Но с журавлями всё ж простишься ты:
Над пожней, над пустынными полями
Их трубный клич раздастся с высоты.

На юг они летят, где свет и счастье,
А если ранен кто и отстает —
Уж нет надежд на помощь и участие:
Станица птиц вперед летит, вперед.

А раненного злою пулей жизни —
Лишь ветру и оплакивать на тризне...

* Единственно сохранившееся юношеское стихотворение.
Написано в 13 или, скорее, в 14 лет.

ПРЕДВЕСЕНЬЕ

Дни тикают, как точные часы:
То капли с крыш спадают, как мгновенья,
Слетая на незримые весы,
И — вследствие закона тяготенья —

Та чаша их, куда летит капель,
От каждой капли явно тяжелеет
И чашу ту, где лед, снега, метель,
Перетянуть старается скорее.

А на весы глядит Природа-мать,
По-матерински людям возвещая:
«Пора! Морозам больше не бывать.

Готовьтесь, люди, так весну встречать,
Чтоб вес снегов и вод потом сравнять
Горой зерна на чаше урожая!»

ДВУЦВЕТЬЕ

А лето в два цвета одето:
Зеленый — бушуют леса,
И чашею синего цвета
Накрыли весь мир небеса.

И лето, конечно, прогрето.
Источники? — Тоже их два:
То волны тепла, волны света.
О, сладостный пир естества!

Вот этой-то прелестью лета
И наши два ока полны:
Два цвета в них, две на планету
Идущих от солнца волны...

Как жаль, что не два в жизни лета!..
Но в этом уж мы не вольны...

РОДНОЙ ЯЗЫК

Не знаю, как справляться с языком!
Язык — сложнее всех нас, вместе взятых...
Уж, кажется, я в нем — без провожатых —
Ходил, знакомый с каждым уголком.

Уж, кажется, настолько с ним знаком —
Входил в его лачуги и палаты;
Ан смотришь вдруг: пустырь какой-то...
хаты...

И станешь плен при случае таком.

Глядишь: и не ступала в этом месте
Не то что ли нога — и мысль моя...
Язык и приобщает нас, по чести,
К невиданным просторам бытия.

Неиссякаема его струя.
Язык — сильнее всех нас, взятых вместе.
Всё это, вместе взятые, и взвесьте!

РУССКАЯ РЕЧЬ

Я постигал чужие языки,
Я взваливал их груз себе на плечи,
Но все они как будто не с руки
Пред широтою плавной русской речи.

Не благо ли, что корни и ростки
В России у меня, а не далече,
Что русским духом я навек отмечен —
С рождения до гробовой доски.

Не ведаю, что было б, если б я
Не смог писать на этом величавом,
Вобравшем всю объемность бытия,
Естественном, раздольном, нелукавом...

Рука б не поднялась тогда моя
И за пером не потянулась, право.

ВЕЛИКИЙ НАРОД

Что на роду написано народу?
Написано ему великим быть:
В погоду и в лихую непогоду
С главой, высоко поднятой, ходить;

И сквозь века идя и сквозь невзгоды,
Врагов и победить и посрамить;
И если будут тягостные годы —
Надеяться до лучших дней дожить.

В связи с вопросом «быть или не быть?»
Небытие в ответе — исключить.

И никому и ничему в угоду
Тем заповедям ввек не изменить.

Вот это и предписано народу,
Кому и впрямь дано великим быть!

ПЕРЕД ОКНОМ

За время, что сидел я у стола,
Перед окном, ослепшим от мороза,
Мир не дремал: сырой туман рвала
Разогнанная глыба тепловоза;

И, жизнь спасая, медсестра ввела
Движеньем точным шприц больному
в вену,

И кто-то начинал ночную смену,
И женщина ребенка родила...

А я? Несобран, несосредоточен,
Раскалываясь в мыслях на куски,
Я ничего не видел, кроме ночи,
И сердце не сказало ни строки.

Я не дал ничего, что должен дать.
Меня за это мало расстрелять.

ДЕТАЛИ

Уж канувшие, кажется, на дно,
От взгляда ускользнувшие детали
Потом, увы, не раз еще всплывали
И сокрушать нас — было им дано.

И что причиной этому? — Темно.
Но так или иначе — в час печали
Мы горько и бессильно прозревали,
Что не прозрели вовремя... Смешно!..

Как будто в направлении обратном
Замедленная съемка поползла
И то, что было как бы непонятым,

И ясным, и понятным подала;
И сражены мы тем невероятным,
Что лента вероятным назвала.

БУКЕТ

Не оживить уже букета,
Когда цветы немало дней
Стоят в квартире, не согреты
Теплом живительных лучей.

Как ни меняй в сосуде воду,
Как ни усердствуй — не вернуть
Присущую цветам природу:
Им ароматом недохнуть.

Банально это всё и ясно,
Но если жизнь поворошить, —
Мы сколько раз желали страстно
Век сорванных цветов продлить!..

И выходило всё напрасно,
Как и должно, конечно, быть.

ТРУД

Тревожней, многосложней, многотрудней
Предстанет мир, когда придут года,
Где меньше будет праздников, а будней
Всё больше будет: будни — вот беда.

Нет-нет, беда не в этом: безрассудней
Живал я встарь — не знал цены труда.
Сегодня труд — судья, а я — подсудней,
Ему подсудней больше, чем когда.

Покуда жизнь и вправду не минула,
Нет времени, когда баклуши бьют:
Не упустить бы дней, часов, минут.

Всю душу жизнь уже перевернула,
В лицо сурово глянула- взглянула:
Отпраздновался — нынче только труд.

ЛИВЕНЬ

Наш ливень проливной, наш даровой,
Наш прирожденный, наш природный дворник
Всю грязь и сор смывает с мостовой
И кроны освежает все и корни.

Какой же он целительный, живой,
Живительный, живящий, животворный,
Стремительный, пьянящий и шальной,
Хмельной, и непритворный, и задорный!

А после — сразу хлынет мощный свет,
И по природе, чисто омовенной,
Увидишь: мир моложе на сто лет,

И ливень этот, столь проникновенный, —
Не ливень, право слово, а Поэт,
Каких немного было во Вселенной!

САД

Зачем спилили сад (пусть не вишневый),
Зачем здесь поработала пила,
Зачем топор пришел сюда бедовый,
И жизни причинили столько зла?

Мне так утрата эта тяжела,
И так моя душа скорбит сурово,
Что из себя и выжать-то смогла
Одно скупое горестное слово.

Всё преходяще, скажут... И прошло...
Но вот зачем бессмысленное зло?
Сейчас зима — и снежная пустыня

На месте сада стынет, стынет, стынет.
А лето будет — где найдется тень?..
Спилили сад... Садить — куда как лень...

НА ГРАНИ

А ты работала, душа!

Покуда немощное тело,
Тебя вмещавшее, ~~кирело~~ *хрипело*
И бреду не было предела, —
Ты и кипела, и горела,
Всё что-то высказать спеша.

Чего же ты, душа, хотела,
Коль сердце бешено болело
И жуть захлестывала тело,
Что задыхалось, чуть дыша?
Душа, тебе-то что за дело?
Ты ж отходила вместе с телом!

Ты отходила с ним... и — пела?

А ты не сбрендила, душа?

МУЗЫКА

А музыка — грустит сильнее меня!..
Иль потому, что неодушевлена,
Иль, может, у нее свои законы
И Бог ей придал более огня,

И дух ее — людскому не родня,
И больше к сверхъестественному склонна
Властительница звуков, непреклонно
Свою загадку вечную храня?

И скрипки скорбь, и вопли саксофона —
Всего лишь слепок с нашего огня;
А вот поди ж ты, — как во время оно,

Язык и мысль собою заслоня,
Изверившихся, сырых и влюбленных
Она влечет — ликуя и маня!

1376276

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

ЛИСТОПАД

Пора опять печальная пришла:
Вселенским плачем осень разразилась,
И роща безнадежно обнажилась —
До прутика, до ветки, до ствола.

Страшней в такую пору силы зла:
А вдруг судьба к тебе переменилась
И больше уж свою не явит милость,
И злобный рок сожжет тебя дотла?

В такую пору тянет к огоньку —
С подругой разделить печаль-тоску,
С товарищем кручину-грусть развеять,

Забуть и грязь, что ты в пути месил,
И ветер, изо всех ревуший сил,
И ржавый дождь... И мир в душе посеять...

ОСЕНЬ

Осень нам очнуться не дает:
Осень настает без проволочек,
Без учета мнений, без отсрочек,
Словом, настает — так настает.

И — берет живое в оборот!
И, глядишь, живёхонький лесочек
После двух иль трех разбойных ночек
Скопищем скелетов предстает.

Впрочем, этак мы ни дать ни взять
В хлябях черных мыслей погрязаем...
Осень же — не мачеха, а мать:

Кто нас одаряет урожаем?
И скелеты оживут опять —
Чуть повеет животворным маем!

ЗИМА

**Зима явилась в наши палестины
И как по мановению жезла
Белесой, стылой, смертною холстиной
Поля, холмы и доли облегла.**

**Зима, зима... И Север мой былинный,
Довлея над землей, застлала мгла,
И вот пейзаж — постылый и пустынный,
А не жилой... Такие-то дела.**

**Лишь в юности была зима бела!
Не в радость белизна теперь — в кручину,
И жизнь от жуткой стужи тяжела.**

**Но всё же есть для радости причины:
ЛЮБОВЬ моя, крылата и светла,
Ты навестила наши палестины.**

ЗА ЧУДО!

Есть ты и я. А это — право, чудо!
(Хотя чудес за вечные года,
По-видимому, не было покуда
Да, видно, и не будет никогда).

И всё ж таки — за чудо! Буду, буду
Я грезить зноем в злые холода
И наступлю на битую посуду:
Всё — ерунда, все беды — не БЕДА!

За чудо! И пускай к добру ли, к худу —
Хоть в омут головою, хоть куда...
И это благодать, а не причуда, —
А то бы жить не стоило труда.

Пусть — может быть! —
и ждет меня остуда, —
За Чудо! — да горит его звезда!

ЖАР-ПТИЦА

Не вдруг случилось это всё — и вдруг.
Затем, что я в свое не верил счастье —
Подумалось, что я над ним не властен, —
И я Жар-Птицу выпустил из рук.

И тотчас от тоски шальной — на части
Вмиг сердце стало рваться — о, недуг!
И я попал в такой порочный круг,
Где лишь одни несчастья и напасти...

...Всё улеглось... Но так ли? С виду тишь
В душе моей. Но временами ноет
В ней что-то. Будто осень в ней. И воет

Щемящий ветер. Ибо ощутишь,
Что радость уж ворота не откроет —
Жар-Птица не воротится, шалишь.

МНЕ-МУАРЫ

А может статься, ты напишешь
О нашей осени-весне:
Переживя меня — ты слышишь! —
И вспомняв о старине,
Вспоминанья ты напишешь
О той блаженнейшей стране
(Роль отведя себе и мне).

Но ты живешь еще и дышишь
(Жить и дышать дано и мне),
И заводь памяти всколыхешь,
Когда я буду в ней — на дне.

Из тьмы ты голос мой услышишь,
И твой услышу я вполне...

Вот лишь тогда ты и напишешь
Вспоминанья обо мне...

ЖАЛОСТЬ

Не мудр я был — здоров (не как сейчас),
А бабушка лежала, помирая.
Стояла осень рыжая, сырая, —
Вернее, не стояла, а лилась.

Сочилась, как слеза из мутных глаз,
И, ржавая, всё ржавчиной съедая,
Ждала, когда зима придет седая,
И ветром, лист бичующим, рвалась.

Но бабушка зимы не дождалась.
Годов ей было много. И немного
Ее жалел я в чадный этот час,
Когда земля дымилась и подмога
Не помогла, без сил остановясь.

Сужу себя за черствость ныне строго:
Не оставляют жалость про запас.

НЕМОТА

Годами я двух слов не мог связать.
Такая-то, скажу, брала досада,
И думалось: быть может, так и надо,
Наверно, Бог желает наказать.

Не знаю, разучился ль осязать,
Иль слух сдавал, иль мир бежал от взгляда, —
Но было так: душа хоть и не рада,
А на устах ее — была печать.

Как я терзался, право! Боже мой...
Как бы в аду каком-то пребываешь,
А что на этом свете — и не знаешь...

Так, скованный той черною тюрьмой,
До осязательной мучился я боли
И тосковал по Слову — как по воле.

ИМЯ

Я не составил имени себе,
Как это ни прискорбно, ни постыдно
И как ни неудобно, несолидно
(Нет под рукой и козыря в борьбе!)

Но, отвечая мачехе-судьбе,
Я говорю: коль нет — и не завидно;
Мне всё равно, мне даже не обидно,
Что не составил имени себе.

И у меня есть, верно, друг-читатель,
Притель незнакомый, почитатель,
Который и оценит и поймет.

А имя, слава — это всё пустое,
Всё это — словно платье щегольское,
Что, изнасясь, от тела отпадет...

ГОЛЛИВУДСКИЙ ФИЛЬМ

Бог Трафарет его обидел:
Фильм не ушел от ремесла...
Но всё ж я Грига там увидел —
Затем что МУЗЫКА была.

Стандартные перипетии
И приключенья без числа —
Уж слишком были неживые...
Но, к счастью, МУЗЫКА — жила!

И, звонче волн седого моря,
И, ярче всех цветов на взгорье,
Она вздымалась и цвела —

И, со сценарием в раздоре,
Его поправ и переспоря, —
Мне Грига всё же — донесла!

В КЛЮЕВСКИХ МЕСТАХ

Поэта здесь в былые годы
Тропа вот эта же вела —
И перед ним душа Природы
Открытой книгою была.

Он тут ходил, пророк Свободы *,
Вдаль — от села и до села,
И перед ним душа Народа
Открытой книгою была.

Отныне Книга и поэта
Судьбу такую ж обретет:
Открыта миру будет, свету,
Прочтет ее родной народ.

Поэт давно провидел это,
Он знал об этом — наперед!

* Клюев и в раннюю свою пору и затем, в связи с 1917 годом и далее, был настроен очень революционно. Чем всё обернулось для России в целом и для него самого — давно уже известно.

МИХАЙЛОВСКОЕ

В далеком приснопамятном году
Я вздумал путешествовать по свету...
Куда же я поеду и пойду?
Конечно, к величайшему Поэту.

Неясно было, что я там найду...
Давно уже его на свете нету...
Что ж! Полкуюсь на его звезду
И жизнь приму как чистую монету...

Сначала опоздал на самолет...
Но Бог исправил этот мой просчет:
«Прекрасное должно быть величаво». *

Потом я был Михайловским храним.
Но чокнулся не с Пушкиным самим —
С его всемирной и всемерной славой.

* А. С. Пушкин, «19 октября» (1825).

19 ОКТЯБРЯ *

И в кой-то век, в Его двухсотый год,
Пришел я: на Нее колпак напялен,
Чтоб сущность Той, чей светлый лик печален,
Предохранить от черных непогод.

А их черед! — И тьма глухих невзгод...
Уже сегодня парк листвой завален,
И жалок вид дворцов, аллей, купален,
И бисер ледяной весь мир сечет...

Как дожидался этого я дня...
А тут всё враз сошлось против меня:
Прикована к подножью-пьедесталу,
Душа сквозь морось выше не взлетала,
И скорбь моя мне застилала свет,
И ящик — Ту, чью скорбь воспел Поэт...

* Этот и последующий сонет — в память о 200-летию Пушкина (1999 год). Здесь имеются в виду торжества по случаю годовщины Лицея (19 октября) и очередного присуждения Царскосельских премий. А главное — речь о знаменитой статуе «Девушка с разбитым кувшином» (Дева, Она), которую первым воспел Пушкин, а затем она явилась в стихах еще 60-ти поэтов (не считая прозаиков, композиторов и т. д.). На зиму и эта статуя и другие для защиты от непогод укрываются своего рода колпаками-ящиками. В тот год она была под колпаком уже 19 октября.

ПАРК СУМЕРЕЧНЫЙ

И сумерки так рано навалились,
И в полутьме аллеи — никого,
И под ногами — стыло и мертво, —
В иную плоскость времени сместились

И парки, и озёра... Итого:
Не в омут ли, душа, мы погрузились?
Ведь с Девойю свиданья не добились
И Осень правит злое торжество.

И завтра — уезжать, о чем и тужим...
А Он сто раз — и юношей, и мужем —
Мог с Девой без помехи говорить

И, с Музой поместивши в сердце рядом,
Восторженным ее лелеял взглядом...
И до сих пор не рвется эта нить!

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ

Владимиру Васильеву

Уж охладел я к Царскому Селу,
А к Статуе вовек не охладею:
Лишь вспомню — снова сердце весело,
Найду ли фото — душу вновь согрею.

Но мысли о поездке — обрублю:
Не по здоровью эти мне затеи.
Коль всё подвластно было бы рублю —
Вопросы бы решались — и скорее.

А может, еще милость даст мне Бог:
Увижу «Деву», истинного друга,
Что поддержал меня, забыть помог

Недуг мой — в день осеннего недуга,
Когда ее закрыли колпаком...

Глухая только память есть о том...

«ВЫ-БО-РЫ»

— Не пьёт, не курит (говорилось),
Ну вот и вышла за него...

— Да что ж такое приключилось?

— Не получилось ничего. —

...Ты очень скоро спохватилась,
Что ранним было торжество,
Ты очень поздно убедилась,
Что преимущество — мертво.

Бездушьем, черствостью, расчетом
Тверёзость мнимая была —
И вот с того-то, оттого-то
Ты с ней расстаться предпочла.

Могла бы этого урока
Ты избежать и раньше срока...

Ох, если б раньше-то смогла!

ПАМЯТИ...

А всё же одаренным был мой друг
(Он оформлял мне первые две книжки).
Сгубил его российский наш недуг
(Не наркота, конечно, не картишки).

Недуг! — При нем какой уж там досуг...
Какой уж труд и времени излишки...
Короче: он попал в порочный круг
(Я это говорю не понаслышке).

Он помыкал красавицей-женой,
С другою был как будто бы любезен;
Но путь его от первой до второй
Едва ли был полезен... Не полезен...

... Вокзал. И стаканище — вглубь себя...
Все с Вологдою связи обрубя...

РУБЦОВ

Рубцов навек останется Рубцовым!
Двадцатый век его не превзошел.
Хотя судьба гнала рукой свинцовой —
По праву вес и славу он обрел.

И жизнь его мне кажется — отцовой:
Для скольких прозвучал его глагол!
Иной — из тьмы отвергших все основы —
Нашел в нем исцелителя от зол!

И счастлив я, что был ему собратом
В быту и бытии не столь богатом
(Да вся у нас семья о нем пеклась)...

Идем к могиле матери мы нашей.
Потом — к нему. И там помянем чашей...

Да что уж говорить теперь о нас!

СЛАВЯНСКИЙ ДЕНЬ

В сей день над древним Волховом светло,
И очистительность грозы — не за горами.
Рассвет добра, и попранное зло,
И праздник — в нас, над нами, между нами.

Старинный Кремль — свидетель всех веков,
Гостей он привечает и хозяев.
Как свет в наплывах туч и облаков,
Он пережил Батыев и Мамаев.

Он, переживший черный гром войны,
Невиданной в истории народов,
Нам говорит, что правда старины —
Оплот грядущего, основа новых всходов.

Он много говорит нам кой-чего —
И мы равненье держим на него!

НА МАРС

- Ну что — готов?
 - Приказ и есть приказ.
 - Да знаешь ли, какие ждут мытарства?
 - Отец, был разговор уже у нас —
С тобой мы говорили без прикрас...
Что значил бы сегодня мой отказ?
Отказ — подрыв всей сути Государства.
 - А двигатель откажет в ахов час?
Поломки — в них же главное коварство...
Вот и конец...
 - Да ведь, не щуря глаз,
Я присягал один лишь только раз —
И одному лишь только Государству.
 - Прощай же, сын!
 - Осталось 100 минут...
Уже на старт сейчас меня проводят...
 - Дай знать, что ТАМ с тобою происходит...
 - С тобой, отец, душой останусь ТУТ.
 - Ну Бог храни...
- И сын НАВЕК уходит.

ЖЕНА

— Да брось ты книгу!.. Я — твоя жена.
Ты — муж... Во мне ты — сын...

Пойдешь под лапоть!..

Тебе я, может, Богом суждена.

А книга — бес... О чем еще калякать?

Смотри ни на восход и ни на запад,

А — на меня. Я книге не равна...

— Я знаю. И тебе не стоит плакать:

Ни на восток гляжу и ни на запад,

А — на тебя. Хоть ты мне — не ровня́.

— А! Не ровня́?

— Не понимай буквально!..

— Забыл, что говорил первоначально?

А нынче твоя речь почти нахальна.

Бездушность уязвляет в ней меня

(Иль думаешь: прикрыта идеально?..)

— Жена! Молю: оставь хоть малость сил, —

Чтоб я тебя еще боготворил...

ВАНЯ!

Жил-был у нас — еще какой котёк:
Как я — столь бесхарактерный, нездешний, —
Но род кошачий как бы превозмог:
Что человек — был умный, чуткий, нежный.

Бывало — только выйду за порог
И кликну: «Ваня! Где ты, друг мой грешный!» —
Стрелой летит, огнем — не чуя ног,
Из зимней тьмы, коварной и кромешной.

И вдруг — болесь... И впрямь не чуял ног...
Но был целящий шприц ветеринара...
И все антибиотики возмог
Из рук принять — как яства кулинара...

Восстал из мертвых. Ноги — как бывало...
Но вдруг автолихач — откуда взяло!..

И нет уж ни стрелы и ни огня...
Мой бедный Ваня, где ты, мне родня?

С ВЫХОДОМ!

Памяти Александра Романова

— Ну! С выходом! — сказал мне друг-поэт.

— Как ты узнал? Я ж только из больницы...

В недоуменьи были наши лица,

Но через миг — был смехом миг согрет.

— Ты вышел в свет — причем за столько лет! —

И книгой, что уже не повторится.

Давай-ка посраим сей грешный свет,

Что совмещает книгу и больницу! —

Отметили — причем довольно круго,

И речь у нас не гасла ни минуты,

И говорилось черт-те что о чем...

Теперь мой друг — в покое гробовом.

Он — с входом, нету выхода откуда.

Жду входа — я: Бог весть, где грянет гром...

ВОСКРЕСАЮЩИЕ

Деревья — вдруг воскресли!.. Нам бы — то же!
Пока — я жив, а помер бы — воскрес...
Нет! Существом я создан не похожим
На то, что сад возглавило и лес.

Ну, будь бы я без сердца, без очес,
Как мертвый стынь, стань стойче и тверёже —
Тогда б воскрес... (Вот чудо из чудес!
Воистину!.. Что может быть дороже?)

Но уж не заносился бы: я — Царь!
Не гоношлся бы: всяя Природы!..

Я, может быть, всего лишь пономарь
В том храме, где не люди — верховоды.

А кто? — Хоть засвети любой фонарь —
Не разглядеть существ такого рода.

ОТЕЦ

Отца не помню. В Смерть от нас отшел.
Грудным тогда я был, был самым малым.
Для матери ущербен и тяжел
Стал тот удар: и вспомнить не желала.

«Нет Смерти!» — раз я радио завел, —
Так дама из него кричала шало.
(По смерти ей увидится престол,
Где умертвят присущее ей жало.)

А мне из праха слышен глас отца:
— Я для себя прошу о самом малом —
Ни памятника мне, ни пьедестала,
Ни почестей не надо, ни венца, —
СЛЕЗУ пролей в честь раннего конца...
— Отец, всё выполняю — как пристало.

МАТЬ

Хоть был перед тобой и не безгрешен, —
Я создал о тебе поэму, мать.
Писал я там, где Жизнь — на Смерть менять:
В больнице, где и быт и свет — кромешен.

С сестрой — тебя старались удержать,
Хоть знали, что итог-то безутешен.
Рок припасал тяжелую печать.
Напор его всевластен, неизбежен.

Да! Годы... Хоть себя мы обольщали,
Но вес сомнений был свинцов... Я пил...
Да я ль один... Никто нас не судил.
В больнице этот грех уже прощали...

Но вот итог в свой срок и наступил.

Я проклял дни, что вел до этих сроков.
Бог дал мне ряд столь видимых уроков,
Чтоб я еще живущим в Жизни жил.

ЛЮБА

Л. С.

Ох, Люба, ты была ко мне щедра!
А женщине — какие в мире цены? —
Колеблются от курса серебра
До золота (и это неизменно).

Мне не сказать, что ты была хитра, —
Подчас совсем отзывно-откровенна.
Казалось: мне явилась та пора,
Каких вовек не взыщешь от Вселенной...

... Нам монастырь — был Богом. И пустырь.
Да и болото. Ягоды — нетленны,
Божественны... Был с нами — монастырь...

И бросился я в струи речки пенной,
В которой холод — явно без добра...

Но ты ж добра была ко мне, щедра...

Затем — хандра, коль стала ты хитра...

Таких потом — не стало во Вселенной.

РИТА

М. С.

Оттуда о тебе скажу — оттуда,
Где, как в Раю, мы Вечность провели...
Всё та ж изба, такое ж в мире чудо,
Где мы себя как будто превзошли.

Река и радость, зелен лес, откуда
Корзинами грибы мы волокли...
И доставал в «сухой закон» я чудо —
Вино, которым не пренебрегли.

Так было до отъезда... Но водитель,
С кем весь наш путь вела ты разговор, —
В моих глазах был просто небожитель,
А мне — позор, что вижу до сих пор...

Потом — разрыв... Да радости-то мало...
А ведь иная жизнь-то предстояла!

ПАМЯТИ Л. К.

Ты позвала — в автобусе — меня.
Я подошел — как будто и отважен.
(Сам выбор Счастья был в то время важен:
Всё — на весах, на лезвии огня!..)

... Другой автобус — меж лесов и пашен;
Фазенде — тоже стала ты родня.
И снова я почувал, что бесстрашен
Отныне путь (сомненья отстраня)...

Но! Позже всё смешалось, все основы —
Болезнь, подспудная, уже текла
И вылилась (ВСЕ ПОЗДНО!) в гроб суровый:
Живая — Жизнью ты пренебрегла.

И кажется, к тому уже стремилась...

Ответь мне, Бог, кому из нас Всемильность!

ТИШИНА НАВИСАЕТ

Над полем нависает тишина.
Бело, как снег, вон облако пасется,
Чуть-чуть плывя... И Осень так нежна,
Как будто спит иль вовсе не проснется.

Сильна в древесных куцах желтизна,
И грусть от нас уже не отвернется.
Но если груздь иль прочий гриб найдется —
Не в страх ни желтизна, ни седина.

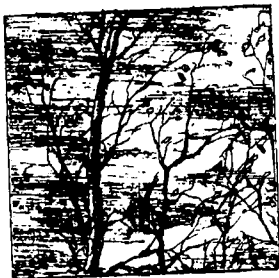
Уносим мы корзины — даром чудо!
И путь — еще сухой (туда-оттуда).
И радость: камелек в избушке ждет.
Не верим в смерть грибов (и нас — покуда)...

... А утром — иней, Осени остуда...
Хоть это нам и кажется причудой —
Но Осень нас вокруг пальца обведет!

* * *

Пишу картину мира снова —
Передо мною белый лист...
Мир ничего от нас иного,
Кроме взыскующего слова,
Не ожидает, — грязен, чист,
Порочен, праведен, прекрасен,
Уродлив, подл и справедлив,
Сыт, голоден, туманен, ясен,
Скуп на глагол и говорлив, —
Он мне перо влагает в руки:
— Пиши, коль скоро ты речист,
Как судишь сам, как по науке!
Перед тобою — белый лист!..

II

Юлиус Цинкгреф

ИЗМЕНА ЛЮБИМОЙ В ВОЙНУ *

Ах, что за времена! Кто видел тяжелее!
И ум и дух во мне тревогой смущены:
Отчизну друг и враг жгут пламенем войны,
Марс сделал мой народ добычею своею.

Уходит и любовь... Но как расстаться с нею?
И то — велит Амур, кем чувства возжжены?!
Веду с богами бой, но силы не равны:
Их двое — я один. Так я ль не ослабею!

Хоть золото, хоть добро — бери война и впредь:
Мы всё еще вернем со временем обратно.
Любви лишь не вернуть — потеря невозвратна.

Что ни чини мне Марс — я всё готов стерпеть,
Когда б Амур — её зажег былою страстью
И в ней мне возвратил утраченное счастье.

* Тридцатилетняя война внутри Германии (1618–1648).
Подробнее — в примечаниях.

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

ВЕЛИКОМУ ГРАДУ МОСКВЕ

Глава своей земли, родня земли моей,
Нас верной дружбой ты и милостью почтила,
Открыв нам путь в страну полдневного светила,
Что запретила ты для прочих королей.

Нас завтра ждет Восток. Но мы в груди своей
Лелеем ту любовь, что ты и породила.
И дома возвестим, в чем нынче наша сила:
Союз наш заключен — и нет его прочней!

Да будет благодать небесная с тобою,
Да не смутят тебя ни мором, ни войною
Ни Марс и ни Вулкан, да будет край твой полн!

Прими же сей сонет, прими как род залога,
Что дома в честь твою сложу я песен много —
Да слышит и мой Рейн напевы волжских волн!

1636

МОСКВА-РЕКЕ В ЧАС РАССТАВАНИЯ

Теки, река, в тиши, блюди свой плавный ток
И омой сей град, прекрасный и державный,
Что принял нас опять достойно и преславно
И вновь дозволил нам пуститься на Восток.

Коль снова возвращусь на отчий мой порог
И здоровым и живым, как отбыл я недавно, —
Всем существом клянусь, что песнию задравной
Я вновь тебя почту — лишь дай мне только срок.

Ты в памяти моей вовеки будешь зрима
Возлюбленной сестрой реки моей родимой
(Ах, станет ли она о страннике жалеть!)

Коль здесь фиалок нет — прими же в знак союза
Букет простых цветов... О, я уж начал петь!
Я слышу уж напев! Подай же лиру, Муза!

**ГРАДУ МОСКВЕ,
смотря издали на его золоченые главы**

Царица всей Руси, преславная столица,
Когда на злато глав уж издали я зрю,
Я мыслю лишь о том, с тем — сердцем говорю,
По чем томиться мне, с чем злату не сравниться.

То злато кос ее — средь жён твоих царицы,
Прекраснейшим лицом похожей на зарю.
Пленен ее красой, любовью к ней горю —
Владычице души здесь выпало родиться.

Тебе, о дивный град, я петь хвалу дерзал,
Хоть ты превыше всех и гимнов и похвал
Величием своим, скрепившим Русь святую;

Но дочь твою узнав, узрев ее красу,
Стократ тебя за то теперь превознесу,
Что здесь послал мне Бог любовь мою большую.

К НОЧИ

Зачем спешишь, о ночь — от мук отдохновенье?
Мне кажется, я здесь всего какой-то миг
Касаюсь алых уст, чей огонь в меня проник,
Гася страдание, даруя исцеленье.

Мы заключаем тут, в чем нет тебе сомненья,
Союз, что в глубине сердец у нас возник.
Столь краткой гостьей ты явилась в наш тайник —
Замедли же свой бег и вспять начни теченье.

Сон сладостный — твой сын — крадется в тихий дом,
И, усыпляя всех, мак сыплет он кругом,
Чтоб час восторгов ты для нас еще продлила.

Одень покровом нас, чтоб долее заря
Над миром не взошла, влюбленным говоря,
Что расставанья срок она им возвестила.

АНДРЕ́АС ГРИФИУС

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

Как исстрадались мы, то больше, чем страданье!
И орды пришлецов, и вопль трубы шальной,
И меч, что весь в крови, и гром над головой
Пожрали весь припас, всё наше достоянье.

Пылает замок, храм, лежат в руинах зданья,
Изрублены в куски — кто силой горд мужской,
Стыд девы не смогли обезопасить свой,
Огонь, чума и смерть — и в сердце и в сознанье.

Кровь свежая течет и в город и в окоп.
О, восемнадцать лет у нас почти потоп:
Забиты мертвыми, из русел вышли реки.

Уж я молчу о том, что всякой смерти злей,
Ужаснее чумы и голода страшней:
Богатства наших душ расхищены навеки.

СВАДЬБА ЗИМОЙ

Хотя поля лежат под снежной пеленою,
И облеклась река в ледовый панцирь свой,
С трудом оборонясь от гнева стужи злой,
Внушившей смертный страх лесному древостояю,

Хотя седой мороз сразил своей косою
Несчетный сонм цветов, взлелеянных весной, —
Любовь венчает вас наградой такой,
Какой вовек не дать ни солнцу и ни зною.

Вам — роза от нее, пускай в снегах весь край,
А с ней и в декабре для вас смеется май.
Поверьте, больших благ в подлунной не желают.

Коль вам пора снегов, метелей и невзгод
Дарит столь пышный цвет, такую радость шлет —
Какие ж вас плоды под осень ожидают?

КРИСТИАН ФОН ХОФМАНСВАЛЬДАУ

СОNET

В простом наряде шла в тот день она в селенье,
Но не пастушкой — богиней шла она:
Ей в пояс кланялась хлебов златых стена,
С восторгом на нее взирало всё Творенье.

На прелести ее и я глядел в томленьи:
На грудь, что посрамить Венерину вольна,
На мрамор пышных плеч, пьянящий без вина,
На лоно, где сокрыт источник наслажденья.

Я молвил: «Лесбия, сколь шаг изящен твой,
Юнона, мнится мне, бледнеет пред тобой,
А Феб, чтоб зреть тебя, светильник обновляет;

Не думай, Лесбия, что топчешь бранный прах,
Что оставляешь след лишь в травах и цветах —
Нет, в сердце у меня он рану оставляет!»

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

* * *

Там, далеко за древнею Москвою,
В седых снеговьях Северной державы,
Предстал тебе чудесный призрак — Слава,
Что привлекал и блеском и красою.

Не встрети в мире сил, что пред тобою
Могли бы устоять в борьбе кровавой,
Ты стал крушить преграды и заставы
Врагов, что отступали под грозою.

Влеком всё тем же призраком мерцавшим,
По гудам тел, в полях России павшим,
Ты шел еще, ты шествовал победно.

Но призрак тот растаял вдруг бесследно,
И в зареве над пламенной Москвою
Обман судьбы предстал перед тобою!

1814

ТЕОДОР КЁРНЕР

МОСКВА

Как злато куполов твоих сияет,
Как блещут, славный град, твои палаты,
Когда в лучах рассвета иль заката
Всю эту пышность очи озирают!

Но граждане твои под гул набата
На кров родимый руку поднимают:
Твои дворцы и храмы поджигают —
И ты пылаешь, пламенем объятый.

О гордый град, теперь во прах простертый!
Как древле Феникс, бросился в костер ты.
Но ты опять воскреснешь, величавый,
Ты возродишься в блеске новой славы.

Уже святой Георгий-копьеносец
Взметнул копье. А он — победоносец!

1813

ЭДУАРД МЁРИКЕ

ЭБЕРХАРД ВЕХТЕР

В обители высокой заключенный,
Свой — в мире скорбной красоты теней,
Став от вина Гомерова сильней,
Лазурью светлой Аттики плененный,

Сидит он пред полотнами, бессонный,
Чуждаясь торжищ мод и новостей,
И славы, и побед ему милей
Венок, друзьями скромно поднесенный.

Вот это жизнь художника! Смотрите!
А вечером очаг к себе зовет,
И крылья гения он вмиг слагает,

И, светлый ликом, в гущу всех забот
Он возвращается, — и хоровод
Жена и дети вокруг него сплетают.

1828

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

ИЗ «СОНЕТОВ К ОРФЕЮ»

(XX из части 1-й)

Что посвятить тебе, о Господь,
Слух нам привившему, Твари всей?..
Вечер в России — и буйная плоть:
Конь, что скакал в просторы полей.

Вдаль от села он, белая масть,
С колышком привязи вслед за собой,
Мчался в луга; и задор, и страсть
Гриву над холкой взметали волной.

Ток его крови вскипал жарчей;
Чуял: один он — там, где темно.
Слушал и пел он; а круг речей

Был в нем заложен Тобой давно.
Образ коня, всю его красу
Видел я, Боже.

И в дар несу.

1922

ЛЕОПОЛЬД ФОН АНДРИАН

СОНЕТ

Я — королевский сын, струятся ароматы
Цветов изысканных в кудрях моих шелко́вых.
Но волей злобных слуг я жизнь влачу в оковах
И красота моя — идет к закату.

Она ль одна? Я весь — не тот, что был когда-то.
Мое величие? — Под гнетом лет свинцовых.
Средь недругов и низких и суровых
Я тоже низок стал, и мне ничто не свято.

Где пурпур мантии? — Похищен ими.
На счастье мертвое гляжу мертво я:
Что с локонами стало золотыми?

Мучительные звезды! Нет покоя.
Забудусь ли — во сне страшусь коварства
стражей, —
И нет мне сна, а как зову его я!

ПАУЛА ФОН ПРЕРАДОВИЧ

ПОЛЕ МАКОВ ИЗ ДЕТСТВА

Ветрами бороздимо, как пожар,
О, поле маков, ярко-красным цветом
Средь зелени, возвращенной буйным летом,
Ты было для ребенка — чудный дар!

От всех в пути отстав, к тебе влеком,
Он знал, что и его ты узнавало,
И тем ты ярче, алое, пылало,
Что и его душа была — огнем.

В ольховых рощах медленные воды
Несла река, что детству так близка.
И жаворонок славил пир природы.

Песнь монастырских девочек звучала
Светло, как лето, — и была громка.
От счастья лишь ОДНА среди них —

молчала.

ГЕОРГ ХАЙМ

РОССИЯ

За Верхоянском, в дебрях этих мертвых,
Где что ни день — лишь слышен звон оков,
Томятся те угрюмые когорты,
В которых каждый стал седоголов.

Циклопы полутьмы рудничной ночи,
Они гремят кирками. И молчат.
Кругом с бичами стражи их торчат.
Хлесть, хлясть! — и клацнут плечи и подскочат.

Фонарь луны им светит скуповато,
Когда они к загону ковыляют.
Там — тяжкий сон. Их сон: земля, объята

И мятежом и пламенем, пылает,
И голову Царя под гул набата
Ветра под перекладиной качают.

1911

ЙОХАННЕС БЕХЕР

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1937

Во что превращена ты ими, о страна?
Свободна и сильна? И целым миром чтима?
Достаток и добро — от всех неотделимы?
И блага умножать, как прежде, ты вольна?

Ты помнишь зов «Проснись!» и в наши времена?
Осыпана ли ты дарами, что сулимы
Пред тем как брать тебя, как будто ты любима?
Нет! Больше, чем войной, ты опустошена.

В тисках твоя душа. Мысль дремлет в прозябаньи.
Слова — вранье и ложь. Что правдою назвать?
Что может скрыть обман — раскроется в деяньи.
Бич поднял твой палач — чтобы тебя терзать.

Безумный, кровь твою с ножа он оттирает —
О, больше, чем в веках, зла-горя прибывает!

СТАРЫЙ ДОМ В МОСКВЕ

Нет на стене державного портрета,
И нет в углу пресветлого киота,
И эмигранты, львы былого света,
Уже не ждут к бывшему поворота.

И от палат, где прежде, в оны лета,
При блеске люстр сверкала позолота,
Сегодня веет склепом несогретым,
Руинами, где царствуют тенёта.

Здесь жизни нет. Здесь точно что могила.
Здесь балки оголенные торчат.
И, вывозя отсюда лом постылый,
Грузовики на старый мир рычат.

Пусть город молодеет непрестанно!
Здесь будет сквер. Цветы. Струя фонтана!

1939

ПАСТЕРНАКУ

Дождю велишь ты песню напевать,
Снегам — оплакать кладбище прихода.
Ты знаешь: стих нам сбрасывает годы
И даже в детство может возвращать.

Пришла ль пора косить иль удобрять —
В стих ловишь ты все запахи природы.
Ты так слова в людей вгоняешь с ходу,
Что им из них исхода не видать.

Ты знаешь толк в метафорах, в их кладке,
И в ритмике не ступишь невпопад.
И из души — потоком, без оглядки —

Вдруг вырвутся глаголы — и гремят:
Напор свиреп, лавина слов клокочет...
И снова — тишь. И ясность луной ночи.

ЛЕТО В БОЛШЕВЕ

Вновь дни — как те: в палящий летний зной,
Ища себе укрытья в полдень сонный,
Спускались мы в сырой овраг лесной,
Где обещал прохладу ключ студеный.

Вновь дни — как те: ища всё тех же нег,
Булты́хались мы в озеро с откоса,
И с дальних гор мерцал нам белый снег,
И танцевали в камышах стрекозы.

Вновь дни — как те: любой, как песнь струясь,
Бесследно канет в ночь, невозвращаем...
Так с прошлым мы поддерживаем связь,
И ввысь до звезд небесных достигаем.

Зарница. Грома дальнего раскат.
О, лето! Милой родины возврат!

1939

ПОЛЕ БИТВЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Здесь мозг и кровь, и бывшие кишки —
Как будто мира целого изнанка.
Но вот — отрез сукна среди останков,
А вот — глядишь — и целые очки.

Вот — патефон, пластинки дребезжат...
Ох, жуть глядеть на эту барахолку,
Где продавцы — иль сражены осколком,
Иль танком проутюжены — лежат...

Я видел их, напоенных свинцом,
Нашедших свой конец в полях России;
Смерть наделила всех одним лицом.

Снег застилал окрестности степные
И раны закрывал простёртым тут...
Вершила здесь История свой суд.

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

ОТКРЫТИЕ

Я утром с нею трезво распростился,
Но, глянув на нее почти в дверях,
Седую прядь заметил в волосах
И так уже уйти и не решился.

Я обнял ее вновь. Недоуменно
Звучал ее вопрос: ведь ночь прошла,
Что ж гостю ждать (такие, мол, дела).
Я всю ее окинул откровенно:

«Прошла одна лишь ночь. Позволь остаться.
Нет хуже, если так ты жизнь теряешь,
В дверях прощаясь, чуть лишь рассвело.

И пусть слова скорее говорятся;
Как проглядел я: ты же угасаешь...»
И вновь желанье горло мне свело.

ХУГО ХУППЕРТ

ОБВАЛ

Высокогорный сонет

В бездну, в средину русла,
В зеркало, в лоно прохлады
Сверху низверглась громада:
Небо, ледник и скала.

Нет, не фантомом для взгляда
Эта лавина была:
Замок богов сорвала
Долу свергающим градом.

Тут и догадка приспела:
Кто совершил это дело? —
Мощный титан! Так и знай.

Рви же покровы над тайным!
В зеркале истину дай нам!
Стань же творцом! Начинай!

Джон Китс

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Поэзия Земли не умирает:
Когда и птиц сморит вселенский зной,
Над пожнею звенит напев иной —
То голос свой кузнечик поднимает.

Певец, он роскошь лета прославляет,
И сам хмельной от щедрости земной,
И лишь устав, под сочною травой
От песен и забав покой вкушает.

Поэзия Земли не оборвется:
Декабрьский вечер хмур и одинок;
Но что за звук в жилище раздается?
Ах, то трещит за печкою сверчок.

И в полусне, из тьмы погасших свечек,
Нам грезится: звенит в траве кузнечик.

1816

СОНЕТ,

написанный в доме, где родился Бёрнс

Мне, смертному, держа стакан в руке,
Дано, о Бёрнс, побыть в твоём жилище,
Где ты мечтал о лавровом венке,
Не ведая, что скоро — на кладбище.

Твой милый Джон Ячменное Зерно
Роднит меня с твоей большой душою;
Сознание мое затемнено,
Я взбудоражен сбывшейся мечтою.

Лишь радуюсь, что прохожу как друг
Твои куда как скромные палаты;
Открыв окно, зеленый вижу луг,
Где столько раз и ты бродил когда-то.

Ах, улыбнись в своей загробной мгле —
Ведь это Слава. Слава на Земле.

1818

СЛАВА

Как девушка строптивая, вольна,
С поклонниками Слава бессердечна;
В юнцов она бывает влюблена,
В повес, к ней равнодушных и беспечных.

Ее рабы в нее вселяют гнев
Уж тем, что всем кричат о ней с любовью;
Цыганке — своенравней королев —
Ей кажется: в речах у них — злословье.

Она — цыганка. Дикое дитя.
На Ниле пальмы с ней делились тенью.
Ей равною монетою платя,
Ответь, Поэт, презреньем на презренья.

Небрежное прощанье ей устрой —
И, может быть, пойдет она с тобой.

1819

ВРЕМЕНА ГОДА

Душа собой являет полный год,
Четыре разных времени имея.
Весной она всё лучшее берет —
Не думая, не мысля, не жалея.

Припав к цветам, расцветшим по весне,
Она вкушает летом сладость меда
И, как во сне, в блаженном ясном сне,
Паря, взмывает к высям небосвода.

Местечко в тихой заводи найдя,
Она лениво осенью взирает
На красоту, что, в Вечность уходя,
Как и ручей, неслышно утекает.

Затем зима, безлика и бледна, —
И припасай на саван полотна.

1818

МОРЕ

Оно то что-то шепчет берегам,
То затопляет двадцать тысяч гротов,
Пока Геката не велит волнам
Отхлынуть в час отлива, отработав.

А то, дав отпуск бурям и ветрам,
Оно лелеет ракушки дремоту;
И та, малютка, тихо дремлет там,
Куда волной заброшена с налету.

О вы, чье зренье город притупил, —
Морской простор как праздник принимайте;
О вы, чей слух он громом оглушил, —
Ад города на море променяйте.

И слушайте, пока пучина вод
Напев сирен до вас не донесет.

1817

* * *

Кто в городе был долго заключен,
Тому сладка покажется природа.
Как в первый раз в лазурный лик влюблен,
Он молится улыбке небосвода.

Кто может быть счастливее, чем он,
Когда он в травы шелковые входит
И, радостен, хотя и утомлен,
И гимн любви поет, и песнь — свободе?

Но вечер вновь зовет его под кров,
И он, внимая пенью Филомелы,
Следя за парусами облаков,
Грустит, что солнце скоро догорело,
Что день сверкнул в эфире и угас,
Слезой скользнув у ангела из глаз.

1816

ПРИМЕЧАНИЯ КО II ЧАСТИ

Во II-м разделе собраны сонеты из моих переводов с немецкого и английского (причем более половины немецких здесь — связаны с Россией). Передача имен — современная (скажем, *Гитлер* в свое время надо было бы озвучить как *Хитлер*, а *Генрих Гейне* — как *Хайнрих Хайне*; да это уже укоренилось).

Юлиус Вильгельм Цинкгреф (1591–1635) — один из первых поэтов немецкого барокко.

Война — это так называемая Тридцатилетняя война внутри Германии (религиозная) — с участием многих государств всей Европы (1618–1648), величайшее бедствие Германии.

Пауль Флеминг (1609–1640) — выдающийся поэт своего времени. Писал по-немецки и по-латыни. В составе посольства Голштинского герцогства (одного из государств тогдашней Германии, что состояло в каком-то родстве с Домом Романовых) совершил два путешествия в Россию и через нее дальше — в Персию. У поэта есть множество сонетов о России и ни одного — о Персии. К нашей стране он отнесся с великим интересом и симпатией, говоря даже, что в Москве оставил свою самую большую и чистую любовь — любовь к русской женщине.

Правда ли это — уже не проверишь. В XVIII веке эти три сонета перевел А. П. Сумароков (1755).

Андреас Грифиус (1616–1664; настоящая фамилия — Грайф) — великий поэт XVII столетия (также и выдающийся драматург). Тоже писал по-немецки и по-латыни. Тему его сонета «Слезы Отечества» через 300 лет продолжил поэт века XX — Й. Р. Бехер (см. ниже).

Кристиан фон Хофмансвальдау (1617–1679) — замечательный поэт барокко, виртуоз стиха.

Венера, Юнона, Феб (Аполлон) — античные божества. *Лесбия* — условное поэтическое имя.

Фридрих Рюккерт (1788–1856) — поэт-романтик. Своеобразный памятник Освободительной войне против Наполеона — его книга «Сонеты в латах» (или в кольчугах). На русский язык не переводилась. Лишь в 1985 году десяток переводов из нее (в том числе и публикуемый здесь) появился в изд. «Поэзия немецких романтиков» (Москва, «Худлит»).

Карл Теодор Кёрнер (1791–1813) — поэт и драматург, в двадцать два года погибший в бою с войсками Наполеона, отступавшими из России. Его книга «Лиры и меч» вышла посмертно (1814). Сонет «Москва» входит с тех пор во все антологии немецкой поэзии. На русском языке он появился в переводе А. А. Фета (1843).

Поэт сравнивает Москву с мифическим *Фениксом* — птицей, бросающейся в огонь и возрождающейся затем из пепла.

Эдуард Мёрике (1804–1875) — последний из великих романтиков, поэт и прозаик. Не чужд оказался и русской темы (стихотворение «Машенька» — о ребенке из семьи русских эмигрантов в Германии, 1838 год).

Эберхард Вехтер (1762–1852) — видный художник, для своих картин черпал сюжеты и из Гомера. *Аттика* — синоним Древней Греции. Стих 9-й в подлиннике ни с чем не рифмуется; таким же оставлен и в переводе.

Райнер Мария Рильке (1875–1926) — один из величайших поэтов немецкого языка. Австриец. Но еще смолоду, даже уже выпустив первые три книги стихов, заболел Россией (заболел — без кавычек). Изучал наш язык и даже написал на нем ряд стихотворений. Дважды ездил в Россию (1899 и 1900 годы) — с намерением поселиться в ней, осесть и стать поэтом русским. Но в итоге никому в России оказался не нужен. Никто ему не помог. Жил затем во всех странах Европы. И всё же переводил с русского (Лермонтов, «Слово о полку Игореве», Чехов). Да и его книга стихов «Часослов» (1905), как полагают исследователи, написана

словно бы от лица русского православного монаха. Последняя его творческая вершина — «Сонеты к Орфею» (1922, написаны в замке Мюзотт, подаренном ему в немецкой части Швейцарии). Перед смертью, в этой книге нашлось место и воспоминаниям поэта о России (сонет XX из 1-й части).

Леопольд фон Андриан (1875–1951) — поэт из круга венских символистов. Стих 13-й в подлиннике ни с чем не рифмуется, так оставлен и в переводе.

Паула фон Прерадович (1887–1951) — австрийская поэтесса. Дед ее был хорватским поэтом, а отец, служа в австрийской армии, дослужился до больших чинов и дворянства — фон. Издала много книг стихов, также является автором текста гимна послевоенной Австрии (1945).

Георг Хайм (в старой передаче — Гейм; 1887–1912) — поэт, один из основоположников экспрессионизма. Сам в одном из стихотворений предсказал свою гибель, а именно так всё и произошло (в 25 лет).

«Россия» — поэт в России никогда не был. Сонет написан под впечатлением от нападков австро-германской прессы, бывшей (особо накануне Первой Мировой) под значительным влиянием сионизма. Отсюда и такое сгущение красок — в отношении

нашей страны (он и говорит здесь не о всех, а только о «политзаключенных»).

Йоханнес Роберт Бехер (1891–1958) — большой поэт XX века. Как коммунист — после прихода к власти Гитлера эмигрировал в СССР, где провел и 30-е годы, и всю войну. Книги его на немецком выходили в Москве даже еще и перед войной (в 30-е годы). Написал много стихотворений и сонетов и о России в целом и о Москве, переводившихся и переведенных на русский. Известен и как прозаик (автор значительного романа «Прощание»).

«Слезы Отечества, год 1937» — поэт через 300 лет продолжает тему Грифиуса (см. выше): приход к власти Гитлера и фашизма для Бехера — только бедствия, сравнимые с бедами его отчизны в XVII веке. *Проснись* — имеются в виду слова из патриотической песни-гимна XIX века, призывавшего к объединению разрозненной Германии («Проснись, Германия!»)

«Старый дом в Москве» — очень возможно, что поэт не представлял себе, что такое так называемый «план реконструкции Москвы», когда сносилось множество исторически ценнейших зданий и искажался облик столицы в целом.

«Пастернаку» (в подлиннике — просто «Пастернак»). Автор, живя в Москве, наверняка был

с ним знаком и общался. Сонет имитирует особенности поэтики Б. Пастернака.

«Лето в Болшеве». В настоящем времени у поэта — Болшево под Москвой, в прошедшем — когда он вспоминает летний отдых где-то в австрийских или швейцарских Альпах, еще до эмиграции. Без этого — не понять, какой снег и горы «летом в Болшеве».

«Поле битвы под Сталинградом». Написано, вероятно, вскоре после завершения событий. Сонет говорит сам за себя.

Бертольт Брехт (1898–1956) — виднейший драматург, также и поэт. Во времена Гитлера жил в эмиграции (в США или в Англии).

Хуго Хупперт (1902–1982) — австрийский поэт и переводчик. Будучи коммунистом, как и Бехер, эмигрировал в СССР. Переводил целый ряд русских поэтов (более всего авангард — Маяковского и Пастернака), также перевел «Витязя в тигровой шкуре» Руставели и «Василия Тёркина» Твардовского. Стихи его самого нам почти неизвестны. После 1945 возвратился в Австрию, где и издал свои сочинения и переводы.

«Обвал» — сонет чем-то напоминает замечательное стихотворение Пушкина под таким же заглавием (1829).

Джон Китс (1795–1821) — великий английский поэт. В России XIX века не переводился вовсе, долгое время был почти неизвестен даже у себя на родине. Но давно уже ясно, что это поэт — навсегда. Гений. Сейчас переведен и на русский — причем полностью.

«Море». *Геката* — одно из божеств греческой мифологии, зловещая царица ночи, нередко, в некоторых культах, считалась и богиней Луны — повелительницы приливов и отливов.

«Кто в городе был долго заключен...» *Филомела* (греч. миф.) — в дальнейшей поэзии — синоним соловья.

СОДЕРЖАНИЕ

I

ОСЕННИЙ СОНЕТ	4
ПРЕДВЕСЕНЬЕ	5
ДВУЦВЕТЬЕ	6
РОДНОЙ ЯЗЫК	7
РУССКАЯ РЕЧЬ	8
ВЕЛИКИЙ НАРОД	9
ПЕРЕД ОКНОМ	10
ДЕТАЛИ	11
БУКЕТ	12
ТРУД	13
ЛИВЕНЬ	14
САД	15
НА ГРАНИ	16
МУЗЫКА	17
ЛИСТОПАД	18
ОСЕНЬ	19
ЗИМА	20
ЗА ЧУДО!	21
ЖАР-ПТИЦА	22
МНЕ-МУАРЫ	23
ЖАЛОСТЬ	24
НЕМОТА	25
ИМЯ	26
ГОЛЛИВУДСКИЙ ФИЛЬМ	27
В КЛЮЕВСКИХ МЕСТАХ	28
МИХАЙЛОВСКОЕ	29
19 ОКТЯБРЯ	30
ПАРК СУМЕРЕЧНЫЙ	31
ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ	32
«ВЫ-БО-РЫ»	33
ПАМЯТИ	34
РУБЦОВ	35

СЛАВЯНСКИЙ ДЕНЬ	36
НА МАРС	37
ЖЕНА	38
ВАНЯ!	39
С ВЫХОДОМ!	40
ВОСКРЕСАЮЩИЕ	41
ОТЕЦ	42
МАТЬ	43
ЛЮБА	44
РИТА	45
ПАМЯТИ Л. К.	46
ТИШИНА НАВИСАЕТ	47
«Пишу картину мира снова...»	48

II

ЮЛИУС ЦИНКГРЕФ	50
ИЗМЕНА ЛЮБИМОЙ В ВОЙНУ	50
ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ	51
ВЕЛИКОМУ ГРАДУ МОСКВЕ	51
МОСКВА-РЕКЕ	
В ЧАС РАССТАВАНИЯ	52
ГРАДУ МОСКВЕ,	
СМОТЯ ИЗДАЛИ НА ЕГО ЗОЛОЧЕННЫЕ ГЛАВЫ	53
К НОЧИ	54
АНДРЕАС ГРИФИУС	55
СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636	55
СВАДЬБА ЗИМОЙ	56
КРИСТИАН ФОН ХОФМАНСВАЛЬДАУ	57
СОНЕТ	57
ФРИДРИХ РЮККЕРТ	58
«Там, далеко за древнею Москвою...»	58
ТЕОДОР КЁРНЕР	59
МОСКВА	59

ЭДУАРД МЁРИКЕ	60
ЭБЕРХАРД ВЕХТЕР	60
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ	61
ИЗ «СОНЕТОВ К ОРФЕЮ» (XX ИЗ ЧАСТИ I-Й)	61
ЛЕОПОЛЬД ФОН АНДРИАН	62
СОНЕТ	62
ПАУЛА ФОН ПРЕРАДОВИЧ	63
ПОЛЕ МАКОВ ИЗ ДЕТСТВА	63
ГЕОРГ ХАЙМ	64
РОССИЯ	64
ЙОХАННЕС БЕХЕР	65
СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1937	65
СТАРЫЙ ДОМ В МОСКВЕ	66
ПАСТЕРНАКУ	67
ЛЕТО В БОЛШЕВЕ	68
ПОЛЕ БИТВЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ	69
БЕРТОЛЬТ БРЕХТ	70
ОТКРЫТИЕ	70
ХУГО ХУППЕРТ	71
ОБВАЛ	71
ВЫСОКОГОРНЫЙ СОНЕТ	71
ДЖОН КИТС	72
КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК	72
СОНЕТ, написанный в доме, где родился Бёрнс	73
СЛАВА	74
ВРЕМЕНА ГОДА	75
МОРЕ	76
«Кто в городе был долго заключен...»	77
ПРИМЕЧАНИЯ КО II ЧАСТИ	78

Борис Александрович Чулков
СОНЕТЫ В ОСЕННИХ ТОНАХ

Технический редактор — Ю. П. Малозёмов
Лицензия ИД № 02513
от 31 июля 2000 г.
Тираж — 200 экз.

Вологда
2006